

Каспийский регион

на неровной газовой карте

Алексей Белогорьев,
руководитель управления
Института энергетической
стратегии

Страны Каспия в русле общих мировых тенденций все больше переключают свое внимание с нефти на природный газ. Долгосрочная стабилизация, а затем снижение общемирового потребления нефти, начало которого ожидается после 2025 года, и реальная угроза перехода к самодостаточности по нефти Северной Америки ближе к 2030 году, задают жесткие временные рамки для инвестиций в нефтедобычу.

Фактически последний всплеск инвестиционной активности в каспийскую нефтедобычу можно будет наблюдать в 2018–2022 годах, после чего привлекательность нефтяного бизнеса резко снизится.

Век природного газа намного длиннее. Рост мирового спроса на газ прогнозируется вплоть до 2050 года и далее. Впрочем, уровень международной торговли им может стабилизироваться уже в 2035–2040 годы: основной прирост добычи, как и в случае с нефтью, будет обеспечен за счет увеличения внутренней добычи газа из нетрадиционных источников (особенно в США и Китае), что отражает сильные тенденции к регионализации газовых рынков. Кроме того, в долгосрочной перспективе перед газовой отраслью по-прежнему маячит угроза «газогидратной революции». Всё это вместе взятое не позволяет откладывать разработку потенциала каспийского газа в долгий ящик: если ресурсы Каспия не будут предложены мировому рынку в конце 2010-х — середине 2020-х годов, то огромный потенциал Каспия может так и остаться невостребованным.

Бурлящее море

Последние полтора года наблюдается резкое оживление обсуждения и прединвестиционной подготовки почти всех газотранспортных и добычных проектов региона. Заметную активность развил, в частности, Иран: в провинции Мазендеран в юго-вос-

точной прибрежной части Каспия он создает разведочно-производственную базу для разработки шельфовых ресурсов газа. Не далее как в декабре 2011 года министерство нефти Ирана объявило об открытии на иранской (по мнению Тегерана) части каспийского шельфа уникального месторождения газа с потенциальными запасами 1,4 трлн куб. м, в чем не замедлил усомниться Азербайджан.

В октябре 2011 года Узбекнефтегаз подписал экспортный контракт с PetroChina о поставках в Китай 10 млрд куб. м в год (с 1 апреля 2012 года). В ноябре 2011 года в ходе визита в Китай президента Туркмении Гурбангулы Бердымухамедова было подписано соглашение об увеличении в перспективе поставок туркменского газа в Китай с 17 до 65 млрд куб. м в год.

В апреле 2012 года были подписаны последние межправительственные соглашения, необходимые для принятия окончательного инвестиционного решения по строительству газопровода «Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия» (TAPI) протяженностью 1735 км и проектной мощностью 33 млрд куб. м в год.

В апреле 2012 года была запущена вторая ветка ирано-туркменского газопровода «Довлетабад — Сарахс — Хангиран», благодаря чему общий объем экспорта туркменского газа в Иран может возрасти с 6,5 до 20 млрд куб. м в год.

В феврале 2012 года участники консорциума по разработке вто-

рой очереди Шах-Дениза объявили о своей поддержке выдвинутого ранее Statoil проекта Трансадриатического газопровода TAP мощностью 10–20 млрд куб. м в год как приоритетного варианта транспортировки азербайджанского газа. В ответ в марте 2012 года участники конкурирующего с TAP проекта Nabucco выступили с идеей решительного видоизменения самого Nabucco в виде Nabucco-west — газопровода в два раза меньшей мощности (ориентировочно 16 млрд куб. м в год) с маршрутом, начинающимся от границы Турции и ЕС (Болгарии). Глубокий кризис Nabucco подтвердился уже спустя месяц в конце апреля 2012 года, когда премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявил о вероятном выходе из проекта одного из его главных учредителей — венгерской MOL. Впрочем, другие компании, в том числе только еще планирующая войти в консорциум немецкая Bayerngas, свои планы по участию в Nabucco пока не меняли.

В сентябре 2011 года мандат на ведение переговоров с Туркменией и Азербайджаном о строительстве Транскаспийского газопровода получила Еврокомиссия. В 2013 году, по ее инициативе, за счет средств Всемирного банка должно быть подготовлено технико-экономическое обоснование проекта, к которому во многом привязано принятие окончательных инвестиционных решений по большинству конкурирующих проектов транзита газа через Турцию по Nabucco и новому, объявленному в октябре 2011 года проекту TANAP (80% — Азербайджан, 20% — Турция).

Муки Тантала

Вопрос о возможности поставок туркменского газа в Европу стоит сегодня даже острее, чем в 2000-е годы. Несмотря на то, что на каспийский газ претендует уже, по меньшей мере, пять газотранспортных проектов, параллельно существующих в рамках так называемого Южного газового коридора (Nabucco или Nabucco-

west, SEEP, TAP, ITGI и AGRI), вся их добычная база ограничена 10 млрд куб. м азербайджанского газа со второй очереди Шах-Дениза, которую планируется запустить в 2018 году (еще 6 млрд куб. м с этого месторождения планирует закупать Турция для своих нужд). К 2025 году Азербайджан планирует нарастить

родного газа (СПГ) через Персидский залив, о чем в августе 2011 года была достигнута договоренность с Shell.

Поскольку ни Туркмения, ни Азербайджан, ни ЕС не собираются вкладывать свои средства в строительство Транскаспийского газопровода, то вся тяжесть его финансирования ложится на европейские компании и банки,

Азербайджан планирует к 2025 году нарастить добычу газа на 20 млрд куб. м за счет месторождений Абшерон, Бабек, Умид и других

добычу еще на 20 млрд куб. м за счет месторождений Абшерон, Бабек, Умид и Азери-Чыраг-Понешли, из них около 15 млрд куб. м может пойти на экспорт.

Вопрос о подключении к проекту иранского газа не рассматривается сегодня по политическим причинам, а надежды на ресурсы иракского Курдистана остаются распыляемыми по причине острой потребности в газе электроэнергетики самого Ирака (до 2015 года планируется построить 10 новых ТЭС), сложной военно-политической обстановки в стране и ориентации Багдада на экспорт сжиженного при-

перед которыми открывается крайне нелицеприятная картина рисков.

Во-первых, на повестке дня остается, пожалуй, уже не самый важный, но все-таки существенный вопрос неурегулированности статуса Каспия, усугубляющийся экологическими рисками прокладки газопровода по сейсмоактивному Апшеронскому порогу. То есть помимо сложной правовой коллизии, у России и Ирана — основных противников проекта — остается в руках и серьезный экологический козырь, что грозит в целом многолетними тяжбами в международном арбитраже.

Вопрос о возможности поставок туркменского газа в Европу стоит сегодня даже острее, чем в 2000-е годы

Вид из космоса на Каспийское море

Есть и худший сценарий — перевод проблемы в военное русло, учитывая нарастающую милитаризацию, наблюдаемую в последние годы почти во всех каспийских странах, особенно в Азербайджане и Иране. Это крайне маловероятно в текущих условиях относительного мира в регионе, но вполне возможно в случае ожидаемого начала войны в Иране (второй риск), которая, во-первых, развяжет руки самому Ирану для любых силовых акций, во-вторых, изменит всю атмосферу в регионе. Не случайно, что с войной в Иране связывают сегодня и угрозу силового решения проблемы Нагорного Карабаха. В целом близость Транскаспийского газопровода к Ирану существенно повышает нервность инвесторов и риски, а соответственно и стоимость реализации проекта.

Третий риск связан с неопределенностью самого спроса на туркменский газ в Европе. Если еще 3–4 года назад перспективы спроса на газ в ЕС оценивались весьма оптимистично, то сегодня после уже 5 лет стагнации потребления, укореившейся антигазовой риторики в энергетической политике ЕС и широкого недовольства высокими ценами на газ (в отличие от доста-

точно спокойного отношения к не менее заоблачным ценам на нефть), перспективы прироста потребления к 2018–2020 годам выглядят крайне неуверенно. При этом очевидно, что каспийский газ уже не успеет заместить собой падение внутренней добычи газа в ЕС в 2010-е годы и может рассчитывать лишь на такое замещение после 2020 года, но в условиях очень высокой конкуренции на рынке, в том числе ценовой.

Следует, впрочем, отметить, что этот риск в значительной мере нивелируется заинтересованностью ЕС в диверсификации маршрутов и источников поставок газа, в которой каспийскому газу традиционно отводится весомая роль в противовес, прежде всего, России. Однако применительно к туркменскому газу существует высокий риск нормализации к 2020 году отношений ЕС и Ирана, что коренным образом поменяет расстановку газовых сил в регионе.

Туркмения нарасхват

Наконец, четвертый риск связан с добычными возможностями самой Туркмении. На сегодняшний день уже улеглись страсти вокруг оценки доказанных ресурсов газа в Туркмении:

очевидно, что, насколько бы не были завышенными официальные цифры Ашхабада (25 трлн куб. м), этих ресурсов (видимо, не менее 8 трлн куб. м) более чем достаточно для удовлетворения любого внешнего спроса в случае своевременных инвестиций. Кроме того, к 2015 году должно быть завершено строительство внутреннего газопровода «Восток-Запад» протяженностью 766 км, благодаря которому до 30 млрд куб. м в год можно будет перекачивать от основных месторождений на востоке страны до побережья Каспийского моря.

Согласно последним заявлениям Ашхабада, к 2020 году поставлена цель довести добычу газа до 187,7 млрд куб. м в год. По итогам 2010 года внутреннее товарное потребление газа достигло в стране почти 23 млрд куб. м (прирост за 10 лет — 81%). Учитывая масштабные планы по развитию газовой электрогенерации (увеличение с 17,4 млрд кВт/час в 2010 году до 35,5 млрд кВт/час к 2030 году) и ее экспорта в Пакистан, Афганистан и Иран, можно ожидать роста потребления газа к 2020 году не менее чем в 1,5 раза. Согласно прогнозу ООН, население страны может вырасти с 5,042 млн человек в 2010 году до 6,01 млн человек в 2015 году и 6,844 млн человек в 2025 году. Учитывая, что бесплатный принцип распределение газа среди населения сохранен до 2030 года, быстрый рост численности населения в 2010-е годы должен привести к существенному приросту потребления газа и электроэнергии, даже несмотря на невысокую надежность энергопоставок и неразвитость промышленного сектора. В любом случае, очевидно, что из намеченных 187,7 млрд куб. м в год не менее 140–145 млрд куб. м можно будет поставлять на экспорт.

Насколько реальны сами заявленные объемы добычи, остается темой острых дискуссий. В частности, по сценарию «золотого века газа» МЭА, добыча газа в Туркмении к 2020 году

можным сжижением газа на юго-восточном побережье Турции в районе нефтеналивного порта Джейхан с продлением до него Южнокавказского газопровода. Общее расстояние от Туркмении в этом случае составит около 2000 км. Однако с точки зрения удобства логистики и близости наиболее перспективных рынков самым привлекательным выглядит третий проект — строительство завода по сжижению газа в пакистанском Гвадаре на побережье Аравийского моря. Расстояние от газодобывающих районов Туркмении — около 1300 км. Китай, активно поддерживающий проект ТAPI, получит в этом случае контроль над большей частью

возможного дефицита туркменского газа, то теперь основной интерес заключается в том, как направить свободные потоки каспийского газа в наименее болезненные для России направления. В связи с этим выдающаяся активность Китая, за несколько лет создавшего новый газотранспортный коридор, по которому поставлено уже более 25 млрд куб. м туркменского газа, оптимистично оценивается в России. Еще лучше отношение к проекту ТAPI, в котором может даже принять участие «Газпром».

Вместе с тем на фоне глобализации международной торговли газом, такой обмен выглядит выбором лучшего из нескольких зол. Приход

с ее огромными запасами и относительно небольшим потреблением газа (обратный пример — соседний Узбекистан) сохраняет большой экспортный потенциал с возможностью достижения высокого уровня диверсификации поставок газа (Юго-Восточная и Центральная Европа, Китай, СНГ, Южная Азия, в дальнейшем возможность поставок СПГ на другие региональные рынки). Вместе с тем, озабоченность вызывает общий вектор развития стран Каспийского региона, в том числе России, с их критической зависимостью экономики и государственных бюджетов от нефтегазовых доходов, усиливающимся технологическим отставанием от развитых стран в сфере использования энергии и производства из нее продукции высокой добавленной стоимости, увеличивающимися экологическими рисками эксплуатации ресурсов Каспийского моря, усилением милитаризации региона, низким уровнем сотрудничества в ключевой проблеме Центральной Азии до 2050 года — получения пресной воды, в том числе путем опреснения, и ее транспортировки. Общим вызовом остается и растущая дезинтеграция энергетического пространства России, Центральной Азии и Закавказья, включая инфраструктуру, энерготики и инвестиции.

Почти полностью сконцентрировавшись на повышении объемных показателей экспорта углеводородов, страны региона все сильнее отстают от общемировых трендов развития энергетики («умные сети», «активные дома», переход к «электрическому миру» повышение энергоэффективности, диверсификация энергобалансов) и не учитывают глубокие структурные изменения в мировой энергетике и грядущие ценовые шоки. Это означает, что текущая модель регионального роста узкая и быстро себя исчерпает.

*Мнение автора
может не совпадать
с мнением редакции*

Существует три варианта выхода Туркменистана на мировой рынок СПГ: через Черное море, Средиземное море, а также Аравийское море

поставок туркменского газа, существенно увеличив тем самым свое и без того растущее экономическое и политическое влияние в Средней Азии.

Что нужно России?

Изменившаяся после 2008 года ситуация на газовых рынках Европы и Украины резко снизила заинтересованность России в импорте каспийского газа. Ранее предполагалось, что к 2015 году Россия будет закупать в регионе около 75 млрд куб. м в год, а к 2020 году — уже 96 млрд куб. м в год. По сегодняшним оптимистичным оценкам, это будет 45 и 60 млрд куб. м в год соответственно, а по пессимистичному сценарию — существенно ниже.

Этот сдвиг тенденций сильно повлиял на общий фон отношений России, прежде всего, с Туркменией, поскольку закупки из Казахстана и Узбекистана практически не снизились, а из Азербайджана в 2010 году, напротив, только начались. Если раньше в России существовали страхи вокруг

центральноазиатского газа в Китае создавал большие дополнительные риски для реализации проекта поставок 30 млрд куб. м в год российского газа по газопроводу «Алтай». Поставки туркменского газа в Индию сужают поле для конкуренции российскому СПГ, для которого Южная Азия является одним из самых привлекательных в перспективе рынков.

При этом борьба с прямым выходом каспийского газа в Европу, которая уже много лет является одной из существенных целей российской внешней политики, все больше напоминает «сизифов» труд. Главную конкуренцию российскому экспорту в Европу после 2018 года будет составлять не Азербайджан и Туркмения, а Иран. И чем дольше будет откладываться начало поставок туркменского газа, тем быстрее будет идти сближение Брюсселя и Тегерана в газовой сфере.

Углеводородный тупик

Разумеется, Каспийский регион благодаря, прежде всего, Туркмении